

Особые поручения: Пиковый валет

Автор:

[Борис Акунин](#)

Особые поручения: Пиковый валет

Борис Акунин

Приключения Эраста Фандорина #5

В Москве орудует шайка мошенников «Пиковый Валет». Они нахальны, изобретательны и уверены в своей безнаказанности. Они проворачивают чрезвычайно дерзкие аферы и бесследно исчезают с места преступления. Но за дело берется разоблачитель заговоров, мастер по тайным расследованиям, кавалер Орденов Хризантем, специалист по ведению деликатных и тайных дел Эраст Петрович Фандорин.

Борис Акунин

Особые поручения: Пиковый валет

«Пиковый валет» распоясался

На всем белом свете не было человека несчастнее Анисия Тюльпанова. Ну, может, только где-нибудь в черной Африке или там Патагонии, а ближе – навряд ли.

Судите сами. Во-первых, имечко – Анисий. Видели вы когда-нибудь, чтобы благородного человека, камер-юнкера или хотя бы столоначальника звали Анисием? Так сразу и тянет лампадным маслицем, крапивным поповским семенем.

А фамилия! Смех, да и только. Досталось злосчастное семейное прозвание от прадеда, деревенского дьячка. Когда Анисиев родоначальник обучался в семинарии, отец ректор задумал менять неблагозвучные фамилии будущих церковных служителей на богоугодные. Для простоты и удобства один год именовал бурсаков сплошь по церковным праздникам, другой год по фруктам, а на прадеда цветочный год пришелся: кто стал Гиацинтов, кто Бальзаминов, кто Лютиков. Семинарию пращур не закончил, а фамилию дурацкую потомкам передал. Хорошо еще Тюльпановым нарекли, а не каким-нибудь Одуванчиковым.

Да что прозвание! А внешность? Перво-наперво уши: выпятились в стороны, словно ручки на ночном горшке. Примнешь картузом – своевольничают, так и норовят вылезти и торчат, будто шапку подпирают. Слишком уж упругие, хрящеватые.

Раньше, бывало, Анисий подолгу крутился перед зеркалом. И так повернется, и этак, пустит длинные, специально отращенные волосы на две стороны, свое лопушие прикрыть – вроде и получше, по крайней мере на время. Но как по всей личности прыщи повылезали (а тому уже третий год), Тюльпанов зеркало на чердак убрал, потому что смотреть на свою мерзкую рожу стало ему окончательно невмоготу.

Вставал Анисий на службу ни свет ни заря, по зимнему времени считай еще ночью. Путь-то неблизкий. Домик, доставшийся от тятеньки-дьякона, располагался на огородах Покровского монастыря, у самой Спасской заставы. По Пустой улице, через Таганку, мимо недоброй Хитровки, на службу в Жандармское управление было Анисию целый час быстрого ходу. А если, как нынче, приморозит да дорогу гололедом прихватит, то совсем беда – в драных штиблетах и худой шинелишке не больно авантажно выходило. Наклацаешься зубами, помянешь и лучшие времена, и беззаботное отрочество, и маменьку, царствие ей небесное.

В прошлом году, когда Анисий в филеры поступил, куда как легче было. Жалование – восемнадцать целковых, плюс доплата за сверхурочные, да за ночные, да, бывало, еще разъездные подкидывали. Иной раз до тридцати пяти рубликов в месяц набегало. Но не удержался Тюльпанов, несчастный человек, на хорошей, хлебной должности. Признан самим подполковником Сверчинским агентом бесперспективным и вообще слюнтяем. Сначала был уличен в том, что покинул наблюдательный пост (как же было не покинуть, домой не заскочить, если сестра Сонька с самого утра некормленая?). А потом еще хуже вышло, упустил Анисий опасную революционерку. Стоял он во время операции по захвату конспиративной квартиры на заднем дворе, у черного хода. На всякий случай, для подстраховки – по молодости лет не допускали Тюльпанова к самому задержанию. И надо же так случиться, что арестовальщики, опытные волкодавы, мастера своего дела, упустили одну студенточку. Видит Анисий – бежит на него барышня в очках, и лицо у ней такой напуганное, отчаянное. Крикнул он «Стой!», а хватать не решился – больно тоненькие руки были у барышни. И стоял, как истукан, смотрел ей вслед. Даже в свисток не свистнул.

За это вопиющее упущение хотели Тюльпанова вовсе со службы турнуть, но сжалилось начальство над сиротой, разжаловало в рассыльные. Состоял теперь Анисий на должности мелкой, для образованного человека, пять классов реального окончившего, даже постыдной. И, главное, совершенно безнадежной. Так и пробегаешь всю жизнь жалким ярыжкой, не выслужив классного чина.

Ставить на себе крест в двадцать лет всякому горько, но даже и не в честолюбии дело. Поживите на двенадцать с полтиной, попробуйте. Самому-то не так много и надо, а Соньке ведь не объяснишь, что у младшего брата карьера не сложилась. Ей и маслица хочется, и творожку, и конфеткой когда-никогда надо побаловать. А дрова, печку топить, – нынче по три рубля сажень. Сонька даром что идиотка, а мычит, когда холодно, плачет.

Анисий перед тем, как из дому выскочить, успел переменить сестре мокрое. Она разлепила маленькие, пороссячьи глазки, сонно улыбнулась брату и пролепетала: «Нисий, Нисий».

– Тихо тут сиди, дура, не балуй, – с напускной суровостью наказал ей Анисий, ворочая тяжелое, горячее со сна тело. На стол положил обговоренный гривенник, для соседки Сычихи, которая приглядывала за убогой. Наскоро

сжевал черствый калач, запил холодным молоком, и все, пора в темень, вьюгу.

Семеня по заснеженному пустырю к Таганке и поминутно оскальзываясь, Тюльпанов сильно себя жалел. Мало того что нищ, некрасив и бесталанен, так еще Сонька эта, хомут на всю жизнь. Обреченный он человек, не будет у него никогда ни жены, ни детей, ни уютного дома.

Пробегая мимо церкви Всех Скорбящих, привычно перекрестился на подсвеченную лампадой икону Божьей Матери. Любил Анисий эту икону с детства: не в тепле и сухости висит, а прямо на стене, на семи ветрах, только от дождей и снегов козыречком прикрыта, и сверху крест деревянный. Огонек малый, неугасимый, в стеклянном колпаке горящий, издалека видать. Хорошо это, особенно когда из тьмы, холода и ветряного завывания смотришь.

Что это там белеет, над крестом?

Белая голубка! Сидит, клювом крылышки чистит, и вьюга ей нипочем. По верной примете, на которые покойная маменька была великая знательница, белая голубка на кресте – к счастью и нежданной радости. Откуда только счастьем-то взяться?

Поземка так и вилась по земле. Ох, холодно.

* * *

Но служебный день у Анисия нынче и в самом деле начался куда как неплохо. Можно сказать, повезло Тюльпанову. Егор Семеныч, коллежский регистратор, что ведал рассылком, покосился на неубедительную анисиеву шинельку, покачал седой башкой и дал хорошее задание, теплое. Не бегать в сто концов по бескрайнему, продуваемому ветрами городу, а всего лишь доставить папку с донесениями и документами его высокоблагородию господину Эрасту Петровичу Фандорину, чиновнику особых поручений при его сиятельстве генерал-губернаторе. Доставить и ждать, не будет ли от господина надворного советника обратной корреспонденции.

Это ничего, это можно. Анисий духом воспрял и папку вмиг доставил, даже и подмерзнуть не успел. Квартировал господин Фандорин близехонько – тут же,

на Малой Никитской, в собственном флигеле при усадьбе барона фон Эверт-Колокольцева.

Господина Фандорина Анисий обожал. Издали, робко, с благоговением, безо всякой надежды, что большой человек когда-нибудь заметит его, тюльпановское существование. У надворного советника в Жандармском была особенная репутация, хоть и служил Эраст Петрович по иному ведомству. Сам его превосходительство московский обер-полицеймейстер Баранов Ефим Ефимович, даром что генерал-лейтенант, а не считал зазорным у чиновника особых поручений конфиденциального совета попросить или даже протекцию исходатайствовать.

Еще бы, всякий человек, хотя бы отчасти сведущий в большой московской политике, знал, что отец первопрестольной, князь Владимир Андреевич Долгорукой, надворного советника отличает и к мнению его прислушивается. Разное поговаривали про господина Фандорина: к примеру, будто есть дар у него особенный – любого человека насквозь видеть и всякую, даже самую таинственную тайну вмиг до самой сути прозревать.

По должности полагалось надворному советнику быть генерал-губернаторовым оком во всех секретных московских делах, попадающих в ведение жандармерии и полиции. Посему каждое утро Эрасту Петровичу от генерала Баранова и из Жандармского доставляли нужные сведения – обычно в губернаторский дом, на Тверскую, но бывало, что и домой, потому что распорядок у надворного советника был вольный и при желании мог он в присутствие вовсе не ходить.

Вот какой значительной персоной был господин Фандорин, а между тем держался просто, без важности. Дважды Анисий доставлял ему пакеты на Тверскую и был совершенно покорен обходительной манерой столь влиятельного лица: не унижит маленького человека, обращается уважительно, всегда пригласит сесть, на «вы» называет.

И еще очень было любопытно видеть вблизи особу, про которую по Москве ходили слухи поистине фантастические. Сразу видно – особенный человек. Лицо красивое, гладкое, молодое, а вороные волосы на висках с сильной проседью. Голос спокойный, тихий, говорит с легким заиканием, но каждое слово к месту, и видно, что повторять одно и то же дважды не привык. Внушительный господин, ничего не скажешь.

На дому у надворного советника Тюльпанову еще бывать не доводилось, и потому, войдя в ажурные ворота, с чугунной короной поверху, он приблизился к нарядному одноэтажному флигелю с некоторым замиранием сердца. У такого необыкновенного человека и жилище, верно, тоже какое-нибудь особенное.

Нажал на кнопку электрического звонка, первую фразу заготовил заранее: «Курьер Тюльпанов из Жандармского управления к его высокоблагородию с бумагами». Спohватившись, запихнул под картуз строптивное правое ухо.

Дубовая резная дверь распахнулась. На пороге стоял низенький, плотно сбитый азиат – с узкими глазенками, толстыми щеками и ежиком жестких черных волос. На азиатке была зеленая ливрея с золотым позументом и почему-то соломенные сандалии. Слуга недовольно уставился на посетителя и спросил:

– Сево нада?

Откуда-то из глубины дома донесся звучный женский голос:

– Маса! Сколько раз тебе повторять! Не «сево нада», а «что вам угодно»!

Азиат злобно покосился куда-то назад и неохотно буркнул Анисию:

– Сьто чибе угодно?

– Курьер Тюльпанов из Жандармского управления к его высокоблагородию с бумагами, – поспешно доложил Анисий.

– Давай, ходи, – пригласил слуга и посторонился, пропуская.

Тюльпанов оказался в просторной прихожей, с интересом огляделся по сторонам и в первый момент испытал разочарование: не было медвежьего чучела с серебряным подносом для визитных карточек, а что это за барская квартира без набивного медведя? Или к чиновнику для особых поручений с визитами не ходят?

Впрочем, хоть медведя и не обнаружилось, обставлена прихожая была премило, а в углу, в стеклянном шкафу стояли какие-то диковинные доспехи: все из

металлических планочек, с замысловатым вензелем на панцире и с рогатым, как жук, шлемом.

Из двери, ведущей во внутренние покои, куда курьеру, конечно, вход был заказан, выглянула редкостной красоты дама в красном шелковом халате до пола. Пышные темные волосы у красавицы были уложены в замысловатую прическу, стройная шея обнажена, белые, сплошь в кольцах руки скрещены на высокой груди. Дама с разочарованием воззрелась на Анисия огромными черными глазами, чуть наморщила классический нос и позвала:

– Эраст, это к тебе. Из присутствия.

Анисий почему-то удивился, что надворный советник женат, хотя, в сущности, не было ничего удивительного в том, что у такого человека имеется прекрасная собой супруга, с царственной осанкой и надменным взглядом.

Мадам Фандорина аристократично, без разжатия губ, зевнула и скрылась за дверь, а через минуту в прихожую вышел сам господин Фандорин.

Он тоже был в халате, но не в красном, а в черном, с кистями и шелковым поясом.

– Здравствуйте, Т-Тюльпанов, – сказал надворный советник, перебирая пальцами зеленые нефритовые четки, и Анисий аж обмер от удовольствия – никак не предполагал, что Эраст Петрович его помнит, и тем более по фамилии. Мало ли всякой мелкой шушеры к нему пакеты доставляет, а вот поди ж ты.

– Что там у вас? Давайте. И проходите в гостиную, посидите. Маса, прими у г-господина Тюльпанова шинель.

Робко войдя в гостиную, Анисий не посмел пялиться по сторонам, скромно сел на краешек обитого синим бархатом стула и только малость погодя стал потихоньку осматриваться.

Комната была интересная: все стены увешаны цветными японскими гравюрами, на которые, Анисий знал, нынче большая мода. Еще он разглядел какие-то свитки с иероглифами и на деревянной лаковой подставке – две изогнутые

сабли, одна подлиннее, другая покороче.

Надворный советник шелестел бумагами, время от времени отмечая в них что-то золотым карандашиком. Его супруга, не обращая внимания на мужчин, стояла у окна и со скучающим видом смотрела в сад.

– Милый, – сказала она по-французски, – ну почему мы никуда не ездим? Это в конце концов невыносимо. Я хочу в театр, хочу на бал.

– Вы же сами говорили, Адди, что это неприлично, – ответил Фандорин, отрываясь от бумаг. – Можно встретить ваших знакомых по Петербургу. Будет неловко. Мне-то, собственно, все равно.

Он взглянул на Тюльпанова, и тот покраснел. Ну не виноват же он, в конце концов, что пусть через пень-колоду, но понимает по-французски!

Выходило, что красивая дама – вовсе не мадам Фандорина.

– Ах, прости, Адди, – сказал Эраст Петрович по-русски. – Я не представил тебе господина Тюльпанова, он служит в Жандармском управлении. А это графиня Ариадна Аркадьевна Опраксина, моя д-добрая знакомая.

Анисию почудилось, что надворный советник чуть замялся, словно не вполне зная, как аттестовать красавицу. А может, просто из-за заикания так показалось.

– О боже, – страдальчески вздохнула графиня Адди и стремительно вышла из комнаты.

Почти сразу же послышался ее голос:

– Маса, немедленно отойди от моей Натальи! Марш к себе, мерзавка! Нет, это просто несносно!

Эраст Петрович тоже вздохнул и вернулся к чтению бумаг.

Тут раздалось треньканье звонка, приглушенный шум голосов из прихожей, и в гостиную коломом вкатился давешний азиат.

Он закурлыкал на каком-то тарабарском наречии, но Фандорин жестом велел ему замолчать.

– Маса, я тебе говорил: при гостях обращайся ко мне не по-японски, а по-русски.

Анисий, произведенный в ранг гостя, приосанился, а на слугу уставился с любопытством: надо же, живой японец.

– От Ведисев-сан, – коротко объявил Маса.

– От Ведищева? Фрола Г-Григорьевича? Проси.

Кто такой Фрол Григорьевич Ведищев, Анисий знал.

Личность известная, прозвище Серый Кардинал. Сызмальства состоял при князе Долгоруком сначала мальчиком, потом денщиком, потом лакеем, а последние двадцать лет личным камердинером – с тех пор как Владимир Андреевич взял древний город в свои твердые, цепкие руки. Вроде невелика птица камердинер, а известно было, что без совета с верным Фролом многоумный и осторожный Долгорукой никаких важных решений не принимает. Хочешь к его сиятельству с важным прошением подступиться – сумей Ведищева улестить, и тогда, считай, полдела сделано.

В гостиную вошел, а пожалуй что и вбежал ражий малый в губернаторской ливрее, зачастил с порога:

– Ваше высокоблагородие, Фрол Григорьич зовут! Беспременно чтоб пожаловали в самом срочном порядке! Буза у нас, Эраст Петрович, умалишение! Фрол Григорьич говорят, без вас никак! Я на санях княжеских, вмиг долетим.

– Что за «буза»? – нахмурился надворный советник, однако поднялся и халат скинул. – Ладно, поехали п-посмотрим.

Под халатом оказалась белая рубашка с черным галстуком.

– Маса, жилет и сюртук, живо! – крикнул Фандорин, засовывая бумаги в папку. – А вам, Тюльпанов, придется прокатиться со мной. Дочитаю по дороге.

Анисий был готов за его высокоблагородием куда угодно, что и продемонстрировал поспешным вскакиванием со стула.

Вот уж не думал – не гадал курьерышка Тюльпанов, что доведется когда-нибудь прокатиться в генерал-губернаторском возке.

Знатный был возок – настоящая карета на полозьях. Внутри обшит атласом, сиденья юфтевые, в углу – печка с бронзовым дымоходом. Правда, незажженная.

Лакей уселся на козлы, и четверка лихих долгоруковских рысаков весело взяла разбег.

Анисия плавно, почти нежно качнуло на мягком сиденье, предназначенном для куда более благородных ягодиц, и подумалось: эх, ведь не поверит никто.

Господин Фандорин хрустнул сургучом, распечатывая какую-то депешу. Нахмурил высокий чистый лоб. До чего же хорош, без зависти, а с искренним восхищением подумал Тюльпанов, искоса наблюдая, как надворный советник подергивает себя за тонкий ус.

К большому дому на Тверской примчали в пять минут. Возок свернул не налево, к присутствию, а направо, к парадному подъезду и личным покоям «великого князя московского», Володи Большое Гнездо, Юрия Долгорукого (как только не называли всесильного Владимира Андреевича).

– Вы уж извините, Тюльпанов, – скороговоркой произнес Фандорин, распахивая дверцу, – но отпустить вас пока что не могу. После набросаю пару строк для п-полковника. Только с «бузой» сначала разберусь.

Анисий вылез следом за Эрастом Петровичем, вошел в мраморный чертог, но тут поотстал – заробел, увидев важного швейцара с золоченой булавой. Ужасно тут испугался Тюльпанов унижения – что оставит его господин Фандорин топтаться внизу лестницы, будто собачонку какую. Но преодолел гордыню и приготовился надворного советника простить: а как человечка в этой шинели и картузе с

треснутым козырьком в губернаторские апартаменты приведешь?

– Вы что застряли? – нетерпеливо обернулся Эраст Петрович, уже достигший середины лестницы. – Не отставать. Видите, какая чертовщина тут творится.

Только теперь до Анисия дошло, что в губернаторском доме и в самом деле происходит что-то из ряда вон выходящее. И вид у сановного швейцара, если приглядеться, был не столько важный, сколько растерянный. Какие-то расторопные мужички вносили с улицы в вестибюль сундуки, коробки, ящики с иностранными буквами. Переезд что ли какой?

Тюльпанов вприпрыжку догнал надворного советника и постарался держаться от него не далее как в двух шагах, для чего временами приходилось несолидно рысать, потому что шаг у его высокоблагородия был широкий и быстрый.

Ох, красиво было в губернаторской резиденции! Почти как в храме Божьем: разноцветные (может, порфирные?) колонны, парчовые портьеры, статуи греческих богинь. А люстры! А картины в золотых рамах! А зеркальный паркет с инкрустацией!

Анисий оглянулся на паркет и вдруг увидел, что от его позорных штиблет на чудесном полу остаются мокрые и грязные следы. Господи, хоть бы не увидел никто.

В просторной зале, где не было ни души, а вдоль стен стояли кресла, надворный советник сказал:

– Посидите тут. И п-папку подержите.

Сам же направился к высоким, раззолоченным дверям, но те вдруг сами распахнулись ему навстречу. Поначалу выплеснуло гомоном разгоряченных голосов, а потом в залу вышли четверо: статный генерал, долговязый господин нерусского вида в клетчатом пальто с пелериной, тощий лысый старик с преогромными бакенбардами и очкастый чиновник в вицмундире.

В генерале Анисий признал самого князя Долгорукого и, вострепетав, вытянулся в струнку.

Вблизи его сиятельство оказался не так молодцеват и свеж, как ежели из толпы смотреть: лицо все в глубоченных морщинах, кудри противоестественно пышны, а длинные усы и бакенбарды чересчур каштановы для семидесяти пяти лет.

– Эраст Петрович, вот кстати! – вскричал губернатор. – Он по-французски так коверкает, что ни слова не поймешь, а по-нашему вообще ни бельмеса. Вы английский знаете, так растолкуйте мне, чего он от меня хочет! И как только его впустили! Битый час с ним объясняюсь, и все попусту!

– Ваше высокопревосходительство, как же его не впустишь, когда он лорд и к вам вхож! – видно, уже не в первый раз плачуще пропищал очкастый. – Откуда ж мне было знать...

Тут заговорил и англичанин, обращаясь к новому человеку и возмущенно размахивая какой-то бумагой, сплошь покрытой печатями. Эраст Петрович стал бесстрастно переводить:

– Это нечестная игра, в цивилизованных странах так не делают. Я был у этого старого господина вчера, он подписал купчую на дом, и мы скрепили договор рукопожатием. А теперь он, видите ли, передумал съезжать. Его внук мистер Шпейер сказал, что старый джентльмен переезжает в Дом для ветеранов наполеоновских войн, ему там будет удобнее, потому что там хороший уход, а этот особняк продается. Такое непостоянство не делает чести, особенно когда деньги уже заплачены. И немалые деньги, сто тысяч рублей. Вот и купчая!

– Он этой бумажкой давно машет, а в руки не дает, – заметил лысый старик, до сей минуты молчавший. Очевидно, это и был Фрол Григорьевич Ведищев.

– Я – дедушка Шпейера? – пролепетал князь. – Меня – в богадельню?!

Чиновник, подкравшись к англичанину сзади, приподнялся на цыпочках и исхитрился заглянуть в таинственную бумагу.

– В самом деле, сто тысяч, и у нотариуса заверено, – подтвердил он. – И адрес наш: Тверская, дом князя Долгорукого.

Эраст Петрович спросил:

– Владимир Андреевич, кто такой Шпейер?

Князь вытер платком багровый лоб и развел руками:

– Шпейер – очень милый молодой человек. С отличными рекомендациями. Мне его представил на рождественском балу...м-м... кто же? Ах нет, вспомнил! Не на балу! Мне его рекомендовал особым письмом его высочество герцог Саксен-Лимбургский. Шпейер – очень славный, учтивый юноша, золотое сердце и такой несчастный. Был в Кушкинском походе, ранен в позвоночник, с тех пор у него ноги не ходят. Передвигается в самоходной коляске, но духом не пал. Занимается благотворительностью, собирает пожертвования на сироток и сам жертвует огромные суммы. Был здесь вчера утром с этим сумасшедшим англичанином, сказал, что это известный британский филантроп лорд Питсбрук. Просил, чтобы я позволил показать англичанину особняк, потому что лорд знаток и ценитель архитектуры. Мог ли я отказать бедному Шпейеру в таком пустяке? Вот Иннокентий их сопровождал. – Долгорукой сердито ткнул на чиновника, и тот аж всплеснул руками.

– Ваше высокопревосходительство, да откуда ж мне было... Ведь вы сами велели, чтоб я самым любезнейшим образом...

– Вы жали лорду П-Питсбруку руку? – спросил Фандорин, причем Анисию показалось, что в глазах надворного советника промелькнула некая искорка.

– Ну разумеется, – пожал плечами князь. – Шпейер ему сначала про меня что-то по-английски рассказал, этот долговязый просиял и сунулся с рукопожатием.

– А п-подписывали ли вы перед тем какую-нибудь бумагу?

Губернатор насупил брови, припоминая.

– Да, Шпейер попросил меня подписать приветственный адрес для вновь открываемого Екатерининского приюта. Такое святое дело – малолетних блудниц перевоспитывать. Но никакой купчей я не подписывал! Вы меня знаете, голубчик, я всегда внимательно читаю все, что подписываю.

– И куда он адрес дел потом?

– Кажется, показал англичанину, что-то сказал и сунул в папку. У него в каталке папка лежала. – Лицо Долгорукого, и без того грозное, сделалось мрачнее тучи. – А, merde! Неужто...

Эраст Петрович обратился к лорду по-английски и, должно быть, заслужил у сына Альбиона полное доверие, потому что получил таинственную бумагу для изучения.

– Составлено по всей форме, – пробормотал надворный советник, пробегая купчую взглядом. – И г-гербовая печать, и штамп нотариальной конторы «Мебиус», и подпись... Что это?!

На лице Фандорина отразилось крайнее недоумение.

– Владимир Андреевич, взгляните-ка! На подпись взгляните!

Князь брезгливо, словно жабу, взял документ, отодвинул как можно дальше от дальнотзорных глаз. И прочел вслух:

– «Пиковый валет»... Позвольте, в каком смысле «валет»?

– Вот те на-а... – протянул Ведищев. – Тогда ясно. Снова «Пиковый валет». Ну и ну. Дожили, царица небесная.

– «Пиковый валет?» – все не мог взять в толк его сиятельство. – Но ведь так называется шайка мошенников. Тех, что в прошлом месяце банкиру Полякову его собственных рысаков продали, а на Рождество помогли купцу Виноградову в речке Сетуни золотой песок намыть. Мне Баранов докладывал. Ищем, говорил, злодеев. Я еще смеялся. Неужто они посмели меня... меня, Долгорукого?! – генерал-губернатор рванул шитый золотом ворот, и лицо у него стало такое страшное, что Анисий втянул голову в плечи.

Ведищев всполошившейся курицей кинулся к осерчавшему князю, закудахтал:

– Владим Андреич, и на старуху бывает проруха, чего убиваться-то! Вот я сейчас капелек валерьяновых, и лекаря позову, кровь отворить! Иннокентий, стул давай!

Однако Анисий подоспел к высокому начальству со стулом первый. Разволновавшегося губернатора усадили на мягкое, но он все порывался встать, все отталкивал камердинера.

– Как купчишку какого-то! Что я им, мальчик? Я им дам богадельню! – не слишком связно выкрикивал он, Ведищев же издавал всякие успокаивающие звуки и один раз даже погладил его сиятельство по крашеным, а может, и вовсе ненастоящим кудрям.

Губернатор повернулся к Фандорину и жалобно сказал:

– Эраст Петрович, друг мой, ведь что же это! Совсем распоясались, разбойники. Оскорбили, унизили, надсмеялись. Над всей Москвой в моем лице. Полицию, жандармерию на ноги поставьте, но сыщите мерзавцев. Под суд их! В Сибирь! Вы все можете, голубчик. Считайте это отныне своим главным делом и моей личной просьбой. Баранову самому не справиться, пусть вам помогает.

– Невозможно полицию, – озабоченно сказал на это надворный советник, и никакие искорки в его голубых глазах уже не сверкали, лицо господина Фандорина выражало теперь только тревогу за авторитет власти. – Слух разнесется – весь г-город животики надорвет. Этого допустить нельзя.

– Позвольте, – снова закипятился князь. – Так что же, с рук им что ли спустить, «валетам» этим?

– Ни в коем случае. И я этим д-делом займусь. Только конфиденциально, без огласки. – Фандорин немного подумал и продолжил. – Лорду Питсбруку деньги придется вернуть из городской к-казны, принести извинения, а про «валета» ничего не объяснять. Мол, недоразумение вышло. Внук насвоевольничал.

Услышав свое имя, англичанин обеспокоенно спросил надворного советника о чем-то, тот коротко ответил и снова обратился к губернатору:

– Фрол Григорьевич придумает что-нибудь правдоподобное для прислуги. А я займусь поисками.

– В одиночку разве энтаких прохиндеев сыщешь? – усомнился камердинер.

– Да, трудновато. Но круг посвященных расширять нежелательно.

Фандорин взглянул на очкастого секретаря, которого князь назвал «Иннокентием», и покачал головой. Видно, Иннокентий в помощники не годился. Потом Эраст Петрович повернулся к Анисию, и тот заоченел, остро ощущая всю свою непрезентабельность: молод, тощ, уши торчат, да еще прыщи.

– Я что... Я буду нем, – пролепетал он. – Честное слово.

– Эт-то еще кто? – рявкнул его сиятельство, кажется, впервые углядев жалкую фигуру рассыльного. – Пач-чему здесь?

– Тюльпанов это, – пояснил Фандорин. – Из Жандармского управления. Опытный агент. Вот он мне и п-поможет.

Князь окинул взглядом сжавшегося Анисия, сдвинул грозные брови.

– Ну смотри у меня, Тюльпанов. Будешь полезен – человеком сделаю. А дров наломаешь – в порошок сотру.

Когда Эраст Петрович и очумевший Анисий шли к лестнице, было слышно, как Ведищев сказал:

– Владим Андреич, воля ваша, а денег в казне нету. Шутка ли – сто тыщ. Обойдется англичанин одними извинениями.

На улице Тюльпанова ждало новое потрясение.

Натягивая перчатки, надворный советник вдруг спросил:

– А верно ли мне рассказывали, будто вы содержите инвалидку-сестру и отказались отдавать ее на казенное попечение?

Такой осведомленности о своих домашних обстоятельствах Анисий не ожидал, однако, находясь в оцепенелом состоянии, удивился меньше, чем следовало бы.

– Нельзя ее на казенное, – объяснил он. – Она там зачахнет. Очень уж, дура, ко мне привыкла.

Вот тут-то Фандорин его и потряс.

– Завидую вам, – вздохнул он. – Счастливый вы человек, Тюльпанов. В таком молодом возрасте вам уже есть, за что себя уважать и чем г-гордиться. На всю жизнь вам Господь стержень дал.

Анисий еще пытался уяснить смысл этих странных слов, а надворный советник уже повел разговор дальше:

– О сестре не беспокойтесь. На время расследования наймите для нее сиделку. Разумеется, за казенный счет. Отныне и до окончания дела о «Пиковом валете» вы поступаете в мое распоряжение. Поработаем вместе. Надеюсь, скучать не будете.

Вот она, нежданная радость, внезапно сообразил Тюльпанов. Вот оно, счастье.

Ай да белая голубка!

Жизненная наука по Момусу

Имен за последние годы переменил столько, что первоначальное, с каким появился на свет, стало забываться. Сам себя давно уже называл Момусом.

«Момус» – это древнегреческий насмешник и злопыхатель, сын Никты, богини ночи. В гадании «Египетская пифия» так обозначается пиковый валет, карта нехорошая, сулящая встречу с глумливым дурачком или злую шутку фортуны.

Карты Момус любил и даже глубоко чтит, однако в гадания не верил и вкладывал в избранное имя совсем другой смысл.

Всякий смертный, как известно, играет в карты с судьбой. Расклад от человека не зависит, тут уж как повезет: кому достанутся одни козыри, кому – сплошь двойки да тройки. Момусу природа сдала карты средненькие, можно сказать, дрянь картишки – десятки да валеты. Но хороший игрок и с такими посражается.

Опять же и по человеческой иерархии на валета высвечивало. Оценивал Момус себя трезво: не туз, конечно, и не король, но и не фоска. Так, валетик. Однако не какой-нибудь скучный трефовый, или добропорядочный бубновый, или, упаси боже, слюнявый червовый, а особенный, пиковый. Пика – масть непростая. Во всех играх самая младшая, только в бридж-висте кроет и трефу, и черву, и бубну. Вывод: сам решай, в какую игру тебе с жизнью играть, и твоя масть будет главной.

В раннем детстве Момусу не давала покоя поговорка про двух зайцев. Ну почему, недоумевал он, нельзя поймать сразу обоих? Что ж, от одного отказываться, что ли? Маленький Момус (тогда еще и не Момус, а Митенька Саввин) с этим был решительно не согласен. И вышел кругом прав. Дурацкая оказалась поговорка, для тупых и ленивых. Случалось Момусу за раз даже и не двух, а много больше ушастых, серых, пушистых вылавливать. Для того была у него разработана собственная психологическая теория.

Много наук напридумывали люди, от большинства из них нормальному человеку и пользы-то никакой, а вот ведь трактаты пишут, магистерские и докторские диссертации защищают, членами академий становятся. Момус сызмальства чувствовал кожей, костями, селезенкой, что самая главная наука – не арифметика или там какая-нибудь латынь, а умение нравиться. Вот он, ключ, которым можно любую дверку открыть. Странно только, что этой наиглавнейшей науке не учили ни гувернеры, ни гимназические учителя. Постигать ее законы приходилось самому.

Но это, если поразмыслить, было даже на руку. Талант к важнейшей науке у мальчика обнаружился рано, а что другим преимуществами этой дисциплины невдомек, так и слава богу.

Обычные люди почему-то относились к ключевому делу без внимания и толка, считали так: нравлюсь – хорошо, не нравлюсь – что поделаешь, насильно мил не будешь. Будешь, думал подрастающий Митенька, еще как будешь. Если ты человеку понравился, сумел к нему ключик подобрать, – всё, твой он, этот человек, делай с ним что хочешь.

Выходило, что понравиться можно всякому, и нужно для этого совсем немного – понять, что за человек: чем живет, как мир видит, чего боится. А как понял, играй на нем, словно на дудке, любую мелодию. Хоть серенаду, хоть польку-бабочку.

Девять из десяти людей сами тебе все расскажут, только согласишься выслушать. Ведь никто никого толком не слушает – вот что поразительно. В лучшем случае, если воспитанные, дождутся паузы в разговоре и снова о своем. А сколько важного и интересного можно узнать, если умеешь слушать!

Правильно слушать – это своего рода искусство. Надо вообразить, будто ты – пустая склянка, прозрачный сосуд, сообщающийся с собеседником при помощи невидимой трубки. Пусть содержимое из партнера по капельке перетечет в тебя, чтоб ты наполнился жидкостью того же цвета, состава и градуса. Чтоб ты на время перестал быть собой и стал им. И тогда человек станет тебе понятен во всей своей сути, и ты заранее будешь знать, что он скажет и что сделает.

Науку свою Момус постигал постепенно и в ранние годы применял по мелочи, для небольшой выгоды, а более для проверки и эксперимента. Не выучив урока, получить хорошую отметку в гимназии; потом, уже в кадетском, заслужить уважение и любовь товарищей; занять денег; влюбить в себя барышню.

Позднее, когда вышел в полк, выгоды от подросшей и окрепшей науки стали заметнее. Скажем, чистишь денежного человека в картишки, а он смиренно сидит, не обижается на славного малого, корнета Митю Саввина. Да и на руки приятному партнеру больше нужного не пялится. Плохо ли?

Но и это была только гимнастика, разработка мышц. По-настоящему наука и талант пригодились шесть лет назад, когда судьба дала будущему Момусу первый настоящий Шанс. Тогда он еще не знал, что Шанс надо не ловить, а создавать. Всё ждал, пока удача сама в руки приплывет, и боялся только одного – не упустить бы.

Не упустил.

Жизненная ситуация у корнета в ту пору обрисовывалась тухлая. Полк стоял в губернском городе Смоленске второй год, и все возможности приложения талантов были исчерпаны. Кого мог, обыграл; всё, что можно было занять, давно занял; полковничиха, хоть и любила Митеньку всей душой, но денег давала скупой, да еще сильно изводила ревностью. А тут с ремонтными суммами неосторожность произошла: послан был корнет Саввин на конскую ярмарку в Торжок, да увлекся, растратил больше допустимого.

В общем, планида складывалась либо под суд идти, либо в бега пускаться, либо жениться на угреватой дочке купца Почечуева. Первый вариант, конечно, исключался, и способный юноша всерьез колебался между вторым и третьим.

И вдруг фортуна дала тузовый прикуп, при помощи которого обреченную партию вполне можно было вытянуть. Умерла двоюродная тетка, вятская помещица, завещала любимому племяннику имение. Когда-то, еще юнкером, Митенька провел у нее скучнейший месяц и от нечего делать слегка попрактиковался в жизненной науке. Потом про старуху и думать забыл, а вот тетка тихого, милого мальчугана не забыла. В обход всех прочих племянников и племянниц одарила в завещании именно его. Не бог весть какая латифундия досталась Мите: всего тысячка десятин, да и то в тьмутараканской губернии, куда приличному человеку и на неделю появиться зазорно.

Как поступил бы обычный, заурядный корнетик, подвали ему такая удача? Продал бы теткино наследство, покрыл бы казенную недостачу, отдал бы часть долгов, да и зажил себе по-старому, дурачина.

А как же иначе, спросите вы.

Извольте, вот вам задачка. У вас имение, которому красная цена двадцать пять, ну тридцать тысяч. А долгов на все пятьдесят. И, главное, до смерти надоело

копейничать, хочется пожить достойно: с хорошим выездом, в лучших гостиницах, чтоб жизнь была как вечная масленица, и чтоб не толстая полковница содержала, а самому завести этакую бутоньерку, этакую туберозу с нежными глазками, стройной талией и звонким смехом.

Хватит плыть щепкой по реке жизни, решил Митенька, пора брать судьбу за лебединую шею. Тут-то психологическая наука и пригодилась в полной мере.

Прожил он в захолустной губернии не неделю и не две, а целых три месяца. Ездил с визитами по соседям, каждому сумел понравиться на свой лад. С отставным майором, барсуком и грубияном, пил ром и на медведя ходил (вот страху-то натерпелся). С коллежской советницей, хозяйственной вдовой, варил варенье из райских яблочек и записывал в книжечку советы по опоросу. С уездным предводителем, из недоучившихся пажей, обсуждал новости большого света. С мировым судьей ездил за реку, в цыганский табор.

Преуспел изрядно: оказался одновременно простым малым, столичной штучкой, серьезным юношей, разудалой душой, «новым человеком», ревнителем старины и еще верным кандидатом в женихи (в двух незнакомых между собой семействах).

А когда счел, что почва унавожена достаточно, провернул все дельце в два дня.

Даже сейчас, спустя годы, когда уж, казалось бы, есть что вспомнить и чем погордиться, Момус с удовольствием восстанавливал в памяти свою первую настоящую «операцию». Особенно эпизод с Эврипидом Каллистратовичем Канделаки, который слыл среди местных помещиков скупердям и сутягой, каких свет не видывал. Можно было бы, конечно, обойтись и без Канделаки, но по юности лет и азартности натуры Митенька любил разгрызать крепкие орешки.

Выжига-грек был из отставных акцизных. Человеку этого типа понравиться можно только одним способом – создать иллюзию, что за твой счет ему удастся поживиться.

Бравый корнет прискакал к соседу на взмыленной лошади, весь красный, в глазах слезы, руки трясутся. Прямо с порога взвыл:

– Эврипид Каллистратович, спасите! На вас вся надежда! Перед вами, как на духу! В полк меня вызывают, к аудитору! Растрата за мной! Двадцать две тысячи!

Письмо из полка и правда было – по ремонтным грехам. Кончилось у начальства терпение Саввина из отпуска дожидаться.

Митя достал пакет с полковой печатью, достал и еще одну бумагу.

– Мне через месяц из Дворянского земельного банка положена ссуда в 25 тысяч под залог тетенькиного имени. Я думал, – всхлипнул он, отлично зная, что грека не разжалобишь, – деньги получу и недостачу покрою. Ан нет, не поспеваю! Позор! Только одно и осталось – пулю в лоб! Выручите, Эврипид Каллистратович, миленький! Дайте мне двадцать две тысячи, а я вам доверенность на получение ссуды составлю. Поеду в полк, оправдаюсь, спасу честь и жизнь. А вы через месяц двадцать пять тысяч получите. И вам выгода, и мне спасение! Умоляю!

Канделаки надел очки, прочел грозное письмо из полка, внимательно изучил закладной договор с банком (тоже подлинный, честь по чести оформленный), пожевал губами и предложил пятнадцать тысяч. Сторговались на девятнадцати.

То-то, поди, была сцена в банке, когда месяц спустя, в назначенный день, там съехались обладатели всех одиннадцати выданных Митенькой доверенностей.

Куш получился неплохой, но жизнь после этого, конечно, пришлось менять самым коренным образом. Да и ну ее, прежнюю жизнь, не жалко.

Полицейских неприятностей бывший корнет Саввин не боялся. Империя, слава тебе Господи, большая, дураков много, богатых городов хватает. Человеку с фантазией и куражом всегда найдется, где покуролесить. А имя и документы – дело плевое. Как пожелаешь, так и назовешься. Кем захочешь, тем и будешь.

Что же до внешности, то с ней Момусу просто исключительно повезло. Он очень любил свое лицо и мог любоваться на него в зеркале часами.

Волосы дивного блекло-русого цвета, как у подавляющего большинства славянского туземства. Черты мелкие, невыразительные, глазки серо-голубые, нос неясного рисунка, подбородок слабохарактерный. В общем, взору задержаться абсолютно не на чем. Не физиономия, а чистый холст, рисуй на нем что хочешь.

Рост средний, особые приметы отсутствуют. Голос, правда, необычный – глубокий, звучный, но этим инструментом Момус научился владеть в совершенстве: мог и басом гудеть, и тенором обольщать, и фистулой припустить, и даже дамским сопрано попищать.

Ведь чтобы внешность до неузнаваемости изменить, мало волосы перекрасить и бороду прицепить. Человека делают мимика, манера ходить и садиться, жесты, интонации, особенные словечки в разговоре, энергия взгляда. Ну и, само собой, антураж – одежда, первое впечатление, имя, звание.

Если б актеры зарабатывали большие деньги, Момус непременно стал бы новым Щепкиным или Садовским – он это в себе чувствовал. Но столько, сколько ему было нужно, не платили даже премьерам в столичных театрах. К тому же куда интереснее разыгрывать пьесы не на сцене, с двумя пятнадцатиминутными антрактами, а в жизни, каждый день, с утра до вечера.

Кого только за эти шесть лет он не сыграл – всех ролей и не упомнить. Причем пьесы были сплошь собственного сочинения. Момус их называл на военно-стратегический манер – «операциями», и перед началом очередного приключения любил воображать себя Морицем Саксонским или Наполеоном, но по своей природе это были, конечно же, не кровопролитные сражения, а веселые спектакли. То есть другие действующие лица, возможно, и не могли оценить всего остроумия сюжета, но сам Момус неизменно оставался при полном удовольствии.

Спектаклей отыграно было много – мелких и крупных, триумфальных и менее удачных, но срыва, чтоб с шиканьем и освистыванием, доселе не случалось.

Одно время Момус увлекся увековечиванием памяти национальных героев. Сначала, проигравшись в винт на волжском пароходе и сойдя на берег в Костроме без единого гроша, собирал пожертвования на бронзовый монумент Ивану Сусанину. Но купчишки жались, дворянство норовило внести взнос

маслицем или рожью, и вышла ерунда, меньше восьми тысяч. Зато в Одессе на памятник Александру Сергеевичу Пушкину давали щедро, особенно купцы-евреи, а в Тобольске на Ермака Тимофеевича торговцы пушниной и золотодобытчики отвалили красноречивому «члену Императорского исторического общества» семьдесят пять тысяч.

Очень удачно в позапрошлом году получилось с Кредитным товариществом «Баттерфляй» в Нижнем Новгороде. Идея простая и гениальная, рассчитанная на весьма распространенную породу людей, у которых вера в бесплатное чудо сильнее природной осторожности. Товарищество «Баттерфляй» брало у обывателей денежные ссуды под невиданно высокий процент. В первую неделю деньги внесло всего десять человек (из них девять подставных, самим же Момусом нанятых). Однако когда в следующий понедельник – проценты начислялись еженедельно – все они получили по гривеннику с каждого вложенного рубля, город как с ума сошел. В контору товарищества выстроилась очередь на три квартала. Через неделю Момус снова выплатил по десяти процентов, после чего пришлось нанять еще два помещения и двенадцать новых приемщиков. В четвертый понедельник двери контор остались на замке. Радужный «Баттерфляй» навсегда упорхнул с волжских берегов в иные палестины.

Другому человеку одних нижегородских барышей хватило бы на весь остаток жизни, но у Момуса деньги долго не задерживались. Иногда он представлял себя воздушной мельницей, в которую широким потоком сыплются ассигнации и звонкая монета. Мельница машет широченными крыльями, не ведая передышки, перерабатывает денежки в мелкую муку – в бриллиантовые заколки для галстука, в чистокровных рысаков, в многодневные кутежи, в умопомрачительные букеты для актрисок. А ветер все дует, дует, и разлетается мука по бескрайним просторам, так что и крупинки не остается.

Ну и пусть ее разлетается, на век Момуса «зерна» хватит. Простаивать чудо-мельница не будет.

Погастролировал по ярмаркам и губернским городам изрядно, набрал мастерства. В прошлый год добрался до столицы. Славно почистил город Санкт-Петербург, будут помнить придворные поставщики, хитроумные банкиры и коммерции советники Пикового Валета.

Явить публике свое незаурядное дарование Момус надумал недавно. Одолел бесчестолюбия, стало обидно. Столько талантливых, не виданных прежде кундштюков придумываешь, столько вкладываешь воображения, художества, души, а признания никакого. То на шайку аферистов валят, то на жидовские происки, то на местные власти. И ведь невдомек православным, что все эти ювелирные chef-d'oeuvres – произведения одного мастера.

Мало стало Момусу денег, возжаждал он славы. Конечно, с фирменным знаком работать куда рискованней, но слава трусам не достается. Да и пойди его, поймай, когда для каждой операции у него своя маска заготовлена. Кого ловить, кого искать? Видел кто-нибудь настоящее лицо Момуса? То-то.

Поахайте, посплетничайте и посмейтесь на прощанье, мысленно обращаясь Момус к соотечественникам. Поплодируйте великому артисту, ибо не вечно пребуду с вами.

Нет, умирать он отнюдь не собирался, но стал всерьез подумывать о расставании с милыми сердцу российскими просторами. Осталось вот только древнепрестольную отработать, а там самое время показать себя и на интернациональном поприще – уже ощущал в себе Момус достаточную для этого силу.

Чудесный город Москва. Москвичи еще тупее питерцев, простодушнее, не такие тертые, а денег у них не меньше. Момус обосновался тут с осени и уж успел проверить несколько изящных фокусов. Еще пара-тройка операций, и прощай, родимая земля. Надо будет по Европе прогуляться, в Америку заглянуть. Много про Североамериканские Штаты интересного рассказывают. Чутье подсказывало – там будет где разгуляться. Можно рытье какого-нибудь канала затеять, организовать акционерное общество по строительству трансамериканской железной дороги или, скажем, по розыскам ацтекского золота. Опять же на немецких принцев сейчас спрос большой, особенно в новых славянских странах и на южноамериканском континенте. Здесь есть о чем подумать. Момус из предусмотрительности уже и кое-какие меры принял.

Но были пока делишки и в Москве. Эту яблоню еще трясти и трясти. Дайте срок, московские писатели про Пикового Валета еще романы напишут.

* * *

Наутро после забавного трюка с английским лордом и старичком-губернатором Момус проснулся поздно и с головной болью – весь вечер и полночи праздновали. Мими обожала праздники, это была ее настоящая стихия, так что повеселились на славу.

Нумер «люкс» гостиницы «Метрополь» проказница превратила в Эдемский сад: оранжерейные тропические растения в кадках, люстра сплошь в хризантемах и лилиях, ковер усыпан лепестками роз, повсюду корзины с фруктами от Елисеева и букетами от Погодина. Вокруг пальмы узорчатым кольцом свернулся удав из зверинца Морселли, изображал Змея-Искусителя. Правда, неубедительно – по зимнему времени дрых и глаз ни разу не раскрыл. Зато Мими, представлявшая Еву, была в ударе. Момус, вспомнив, улыбнулся и потер ноющий висок. Все проклятое «клико». Когда, уже после грехопадения, Момус нежился в просторной фарфоровой ванне, среди плавающих орхидей-ванд (по пятнадцать рублей штука), Мими поливала его шампанским из большущих бутылок. Он все ловил пенную струю губами и явно перестарался.

Но и Мимочка вчера нарезвилась, умаялась. Вон как спит – на пожар не добудишься. Приоткрыла подпухшие губки, обе ладошки по обыкновению сложила под щеку, густые золотистые локоны разметались по подушке.

Когда решалось, что будут путешествовать вместе, Момус сказал ей: «Жизнь, девочка, у человека такая, каков он сам. Если жестокий человек – она жестокая. Если боязливый – она страшная. Если кислый – она печальная. А я человек веселый, жизнь у меня веселая, и у тебя будет такая же».

И Мими вписалась в веселую жизнь так, будто была создана специально для нее. Хотя, надо полагать, за свои двадцать два года вкусила хренку с горчицей изрядно. Впрочем, Момус не выпрашивал – не его дело. Захочет – сама расскажет. Только девочка не из таковских, плохого долго не помнит и уж тем более не станет на жалость надавливать.

Подобрал он ее прошлой весной в Кишиневе, где Мими подвизалась эфиопской танцовкой в варьете и пользовалась у местных прожигателей жизни бешеной популярностью. Она вычернила себе кожу, покрасила и завила волосы, по сцене скакала в одних цветочных гирляндах, с браслетами на руках и ногах. Кишиневцы принимали ее за самую что ни есть природную негритоску. То есть в начале у них еще были сомнения, но заезжий неапольский негодник, который

бывал в Абиссинии, подтвердил, что мамзель Земчандра и в самом деле говорит по-эфиопски, так что все подозрения рассеялись.

Именно эта деталь первоначально и восхитила Момуса, который ценил в мистификациях сочетание нахальства с дотошностью. С синими, в цвет колокольчиков, глазами, с хоть и чумазой, но абсолютно славянской мордашкой лезть в эфиопки – это большая лихость нужна. И при этом еще научиться эфиопскому!

Потом, когда подружились, Мими рассказала, как все вышло. Жила в Питере, после банкротства оперетки сидела на мели, устроилась по случаю гувернанткой к близняшкам, детям абиссинского посланника. Эфиопский князь, расс по-ихнему, не мог нарадоваться своей удаче: покладистая, веселая барышня, довольствуется малым жалованьем, и дети ее обожают – все шепчутся с ней о чем-то, все секретничают и вести себя стали паиньками. Гуляет однажды расс по Летнему саду со статс-секретарем Мордером, обсуждает осложнения в итальянско-абиссинских отношениях, вдруг видит – толпа. Подошел – эфиопский бог! Гувернантка играет на гармонике, а его сын с дочуркой пляшут и поют. Публика на арапчат пялится, хлопает, бросает деньги в скрученную из полотенца чалму, и щедро бросает, от души.

В общем, пришлось Мими из северной столицы уносить ноги со всей возможной поспешностью – без багажа, без вида на жительство. Все бы ничего, вздыхала она, только арапчат жалко. Бедненькие Марьямчик и Асефочка, скучно им, поди, теперь живется.

Зато мне с тобой нескучно, подумал Момус, любовно глядя на высунувшееся из-под одеяла плечико с тремя симпатичными родинками в виде правильного треугольника.

Он закинул руки за голову, осмотрел номер, в который въехали только накануне, замечая след. Шикарные апартаменты: с будуаром, гостиной, кабинетом. Золотой лепнины многовато, купечеством отдает. В «Лоскутной» апартаменты были поизящней, но оттуда пора было съезжать – разумеется, совершенно официальным образом, с щедрой раздачей чаевых и позированием перед рисовальщиком из «Московского наблюдателя». Покрасоваться на обложке почтенного иллюстрированного журнала в виде «его высочества» не помешает – глядишь, когда-нибудь и пригодится.

Момус рассеянно посмотрел на пристроившегося под балдахином золоченого круглощекого амурчика. Гипсовый озорник целил постояльцу стрелой прямо в лоб. Стрелы, собственно, было не видно, потому что на ней повисли Мимочкины кружевные панталоны цвета «пылающее сердце». Как они туда попали? И откуда взялись? Ведь Мими изображала Еву? Загадка.

Умопомрачительные панталоны чем-то заинтриговали Момуса. Под ними должна быть стрела, больше нечему – это очевидно. А вдруг там окажется не стрела, а что-то совсем другое? Вдруг купидончик сложил свои пухлые пальчики кукишем, сверху прикрыл яркой тряпкой, да и выставил на манер стрелы?

Так-так, тут что-то вырисовывалось.

Забыв о ноющем виске, Момус сел на кровати, по-прежнему глядя на панталоны.

Человек ожидает, что под ними стрела, потому что купидону по должности и званию положена именно стрела, а ну как на самом деле там не стрела, а кукиш?

– Девочка, просыпайся! – Он шлепнул спящую по розовому плечу. – Живо! Бумагу, карандаш! Мы сочиняем объявление в газету!

Вместо ответа Мими натянула на голову одеяло. Момус же спрыгнул с постели на пол, попал на что-то шершавое, холодное и заорал от ужаса – на ковре, свернувшись на манер брезентовой садовой кишки, почивал давешний удав, эдемский искуситель.

Ловок, мерзавец

Служить, оказывается, можно по-разному.

Можно филером – часами мокнуть под дождем, следя из колючих кустов за вторым слева окошком на третьем этаже, или плестись по улице за переданным

по эстафете «объектом», который неизвестно кто таков и что натворил.

Можно рассыльным – высунув язык, носиться по городу с казенной сумкой, набитой пакетами.

А можно временным помощником у его высокоблагородия чиновника по особым поручениям. Во флигель на Малой Никитской приходиться полагалось часам к десяти. То есть как человек идешь, не бегом по темным переулкам, а не спеша, с достоинством, при свете дня. Выдавалось Анисию и на извозчика, так что можно бы не тратить час на дорогу, а подкатывать на службу баринном. Ну да ничего, сойдет и пешочком, а лишний полтинник всегда пригодится.

Дверь открывал слуга-японец Маса, с которым Анисий успел хорошо познакомиться. Маса кланялся и говорил: «Добуро, Тюри-сан», что означало «Доброе утро, господин Тюльпанов». Японцу выговаривать длинные русские слова было трудно, а буква «л» и вовсе не давалась, поэтому «Тюльпанов» у него превратился в «Тюри». Но Анисий на фандоринского камердинера не обижался, отношения у них установились вполне дружественные, можно даже сказать заговорщицкие.

Первым делом Маса вполголоса извещал о «состоянии атмосферы» – так Анисий про себя называл царившее в доме настроение. Если японец говорил: «Чихо», стало быть, все тихо, прекрасная графиня Адди проснулась в ясном расположении духа, напевает, воркует с Эрастом Петровичем и на Тюльпанова будет смотреть взглядом рассеанным, но благосклонным. Тут можно смело идти в гостиную, Маса подаст кофей с булочкой, господин надворный советник станет разговаривать весело и насмешливо, а любимые нефритовые четки в его пальцах будут постукивать задорно и энергично.

Если же Маса прошептал: «Гуромко», то надо на цыпочках прошмыгнуть в кабинет и сразу заняться делом, потому что в доме гроза. Значит, снова Адди рыдала и кричала, что ей скучно, что Эраст Петрович ее погубил, соблазнил, увел от мужа, достойнейшего и благороднейшего из людей. Тебя, пожалуй, уведешь, думал Анисий, боязливо прислушиваясь к громовым раскатам и листая газеты.

Такое у него теперь было утреннее задание – московские печатные издания изучать. Милое дело: шуршишь пахучими страницами, читаешь про городские

сплетни, разглядываешь соблазнительные рекламные объявления. На столе остро отточенные карандашики, синий для обычных пометок, красный для особого примечания. Нет, право слово, жизнь у Анисия пошла теперь совсем другая.

Плата за такую золотую службу, между прочим, была против прежней двойная, да еще и по службе вышло повышение. Чиркнул Эраст Петрович в управление две строчки, и тут же определили Тюльпанова кандидатом на классный чин. При первой же вакансии сдаст ерундовый экзамен, и готово – был рассыльный, стал чиновник, господин коллежский регистратор.

А начиналось все вот как.

В тот памятный день, когда Анисию явилась белая голубка, прямо из губернаторского дома отправились вместе с надворным советником в нотариальную контору, что зарегистрировала купчую с издевательской подписью. Увы, за дверью с медной табличкой Иван Карлович МЕБИУС было пусто. Титулярная советница Капустина, чей дом, отворила запертую дверь собственным ключом и дала показание, что господин Мебиус снял первый этаж тому две недели, заплатил за месяц вперед. Человек солидный, обстоятельный, пропечатал объявление о конторе во всех газетах, на самом видном месте. Со вчерашнего дня не появлялся, она уж и сама в удивлении.

Фандорин слушал, кивал, время от времени задавал короткие вопросы. Описание внешности исчезнувшего нотариуса велел Анисию записать. «Роста обыкновенного, – старательно скрипел карандашом Тюльпанов. – Усы, борода клинышком. Волосы пегие. Пенсне. Все время трет руки и подсмеивается. Вежливый. На щеке справа большая коричневая бородавка. Лет на вид не менее сорока. Кожаные калоши. Пальто серое с черным шалевым воротником».

– Не пишите вы про к-калоши и пальто, – сказал надворный советник, мельком глянув в Анисиеву писанину. – Только внешность.

За дверью оказалась самая что ни на есть обычная контора: в приемном покое письменной стол, приоткрытый несгораемый шкаф, полки с папками. Папки все пустые, одни корешки, а в сейфе на железной полке, на самом видном месте – игральная карта, пиковый валет. Эраст Петрович карту взял, в лупу рассмотрел,

да и на пол бросил. Сказал Анисию в пояснение:

– Карта как карта, такие всюду продаются. Я, Тюльпанов, карт терпеть не могу, а п-пикового валета (его еще Момусом называют) в особенности. У меня с ним связаны весьма неприятные воспоминания.

Из конторы поехали в английское консульство встречаться с лордом Питсбруком. На сей раз альбионец был в сопровождении дипломатического переводчика, так что показания потерпевшего Анисий смог записать сам.

Британец сообщил надворному советнику, что нотариальную контору «Мебиус» ему порекомендовал мистер Шпейер как почтеннейшую и старейшую юридическую фирму в России. В подтверждение своих слов мистер Шпейер показал несколько газет, в каждой из которых реклама «Мебиуса» располагалась на самом видном месте. Русского языка лорд не знает, но год основания фирмы – тысяча шестьсот какой-то – произвел на него самое благоприятное впечатление.

Питсбрук предъявил и одну из газет, «Московские губернские ведомости», которые на свой английский лад именовал «Москоу ньюс». Анисий вытянул шею из-за спины господина Фандорина, увидел большее, в четверть газетного листа объявление:

Нотариальная контора

МЕБИУС

Регистрационное свидетельство министерства юстиции за номером 1672.

Составление завещаний и купчих, оформление доверенностей, поручительство по залогу, представительство по взысканию долгов, а также прочие услуги.

Повезли британца в злополучную контору. Он рассказал во всех подробностях, как, получив подписанную «старым джентльменом» (то есть его сиятельством господином генерал-губернатором) бумагу, отправился сюда, в «оффис». Мистер Шпейер с ним не поехал, потому что неважно себя чувствовал, однако заверил, что глава фирмы предупрежден и ждет высокого иностранного клиента. Лорда и в самом деле встретили очень любезно, предложили чаю с «твердыми круглыми бисквитами» (пряниками, что ли?), хорошую сигару, и документы оформили очень быстро. Деньги же, сто тысяч рублей, нотариус принял на ответственное хранение и положил в сейф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/boris-akunin/osobyie-porucheniya-pikovyy-valet-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)